Дусина Наталья Викторовна

СПЕЦИФИКА КАРНАВАЛЬНОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ Э. Т. А. ГОФМАНА "ЖИТЕЙСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОТА МУРРА"

Статья посвящена выявлению специфики карнавального дискурса в романе Э. Т. А. Гофмана "Житейские воззрения кота Мурра". Центральная для эстетики и поэтики немецкого романтизма идея двоемирия приобретает в романе структурообразующую функцию, а карнавальность этого мира оказывается художественным приемом, позволяющим создать череду самых разнообразных образов и сюжетов. При этом Гофман не выводит карнавал на первый план, но использует его дискурсивные возможности в подтекстах своего произведения, превращая "карнавальный мир" в одно из "затемненных" пространств существования своих персонажей наряду с иными стратегиями создания комического в романе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 94-97. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Баранов О. С.** Идеографический словарь русского языка. М.: ЭТС, 1995. 820 с.
2. **Большой толковый словарь русских существительных** / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ – ПРЕСС, 2005. 864 с.
3. **Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений**: в 6-ти т. / отв. ред. Н. Ю. Шведовой; РАН, Ин-т рус. яз. М.: Азбуковник, 1998. Т. III. 924 с.

NAMES OF RELIGIOUS HOLIDAYS ACCORDING TO THE EXPERIMENTAL DATA AND THESAURI

Dmitrieva Mariya Nikolaevna
National Mineral Resources University, Saint-Petersburg
Dmitrieva-Marija83@yandex.ru

The article deals with the names of religious holidays according to the data of thesauri and the experiment conducted among the informants-native Russian speakers to identify the topical lexemes fixed in the minds of native speakers of Russian. As a result of the performed experiment the author singles out the following lexical units which contain the religious component of the names of the holidays fixed in the minds of native speakers of the Russian language: Whitsunday, Shrovetide, Easter, Christmas, and Epiphany.

Key words and phrases: informant-native speaker; linguistic consciousness; religious component; Shrovetide; Epiphany; Christmas; Whitsunday; Easter.

УДК 82-31(045)
Филологические науки

Статья посвящена выявлению специфики карнавального дискурса в романе Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Центральная для эстетики и поэтики немецкого романтизма идея двоемирия приобретает в романе структурообразующую функцию, а карнавальность этого мира оказывается художественным приемом, позволяющим создать череду самых разнообразных образов и сюжетов. При этом Гофман не выводит карнавал на первый план, но использует его дискурсивные возможности в подтекстах своего произведения, превращая «карнавальный мир» в одно из «затемненных» пространств существования своих персонажей наряду с иными стратегиями создания комического в романе.

Ключевые слова и фразы: карнавальный дискурс; карнавализация; немецкий романтизм; стратегии создания комического; народная смеховая культура; смеховое слово; романтическое двоемирие.

Дусина Наталья Викторовна
Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
dnv178@mail.ru

СПЕЦИФИКА КАРНАВАЛЬНОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ Э. Т. А. ГОФМАНА «ЖИТЕЙСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОТА МУРРА»©

Категория комического и связанный с ней круг вопросов традиционно находятся в центре внимания отечественной науки о литературе. О проблемах комического в своих трудах писали М. М. Бахтин, Ю. Б. Борев, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Л. Е. Пинский, В. Я. Пропп и др., подробно анализируя различные аспекты смеха в истории литературы от ее истоков до современности [9]. Российское литературоведение сегодня продолжает изучение этого круга вопросов, опираясь, прежде всего, на концепцию, сложившуюся в работах М. М. Бахтина 1930-1960-х годов [12], и выделяя его теорию народной смеховой культуры и особого типа смехового слова [13-16]. Большое значение придается так называемой смеховой литературе (подробнее см.: [6]) и карнавальному дискурсу как ее существенному элементу.

Нам уже приходилось писать о важности карнавального дискурса для художественного сознания немецкой литературы второй половины XVIII – первой трети XIX века, в частности, для очерковой прозы И. В. Гете и новеллистики Э. Т. А. Гофмана [5; 7]. Напомним, что «карнавальный дискурс представляет собой словесное выражение карнавального начала, сюжетов, мотивов и образов карнавального мира и связанных с ним народно-смеховых форм, которые являются воплощением народной смеховой культуры во всей ее исторической изменчивости» [6, с. 57].

Продолжая исследование места и функций карнавального дискурса в художественной практике Э. Т. А. Гофмана, обратимся к роману «Житейские воззрения кота Мурра» (т. 1 – 1819 г., т. 2 – 1821 г.). Эта книга считается одной из вершин гофмановского гения. Она не только отразила разочарование писателя в романтической эстетике 1800-1810-х годов, вобрала очень многое из личных переживаний автора (в ней даже представлено несколько эпизодов его реальной жизни), но и ознаменовала его переход к новому типу художественного творчества. При этом Гофман не порывает с романтизмом окончательно, но стремится выстроить

© Дусина Н. В., 2015

новую форму романтического мира, для которого в равной степени важны прекрасная мечта и точная деталь суровой реальности. На это справедливо указывает Н. Я. Берковский: «На роман “Кот Мурр” Гофман потратил богатейшие запасы своего реального опыта. В нем шире, чем где-нибудь, представлена у Гофмана Германия того дня и года, быт и нравы даны с величайшей точностью наблюдения. Но это роман романтический, ибо сквозь ограду вещей, как они есть, угадываются прекрасные возможные миры» [3, с. 487-488].

Гофман намеренно использует чрезвычайно сложную композицию, не только объединяя в своем романе две основные повествовательные линии, но и вводя ряд дополнительных сюжетов. Традиционное романтическое «двоемирие» становится еще более многомерным и разнообразным, смешение героев и голосов создает у читателя ощущение хаотичности происходящего, однако за этой хаотичностью стоит четко продуманный план опытного автора. Уже в издательском предисловии присутствует характерная для Гофмана игра с читателем, имеющая отчетливые приметы литературной мистификации: «Ни одна книга не нуждается в предисловии более, нежели эта, ибо, не разъясни мы, вследствие каких причудливых обстоятельств удалось ей увидеть свет, она могла бы показаться читателю чудовищной мешаниной. А потому издатель покорнейше просит благосклонного читателя сим предисловием отнюдь не пренебрегать» [4, с. 51].

Автор, надевающий маску издателя, предлагает читателю поверить в «кошачье» происхождение публикуемой рукописи, лишь по недосмотру наборщиков включившей в себя фрагменты истории капельмейстера Иоганнеса Крейслера. Уже само смешение двух повествований имеет отчетливо карнавальный характер. На это проницательно указывает А. В. Карельский, видевший в последнем романе Гофмана сосредоточение различных моделей художественной структуры: «то веселые лицедеи комедии масок, то жутковатые оборотни – вихрь карнавала кружится над бездной» [8, с. 14].

Карнавальная стихия воссоздается в романе достаточно разнообразно: здесь и привычное карнавальное празднество, увенчания-развенчания персонажей, карнавальные драки и мнимые свадьбы, фамильярные шутки и образы и др. При этом следует учитывать то, что карнавальное начало в сознании немецких романтиков имело свою специфику, связанную с культурно-эстетическими ограничениями, характерными для этой эпохи. М. М. Бахтин в подготовительных материалах к рукописи о Рабле констатирует отсутствие в романтическом восприятии карнавала «…реального народно-площадного опыта и широкой народной утопии. Аналогичное измельчание и образа игры. Карнавально-сказочный реализм Гофмана занимает промежуточное место…» [1, с. 783].

Подобная «сдержанность» карнавального начала в романе Гофмана, отмеченная Бахтиным, накладывает отпечаток на многие сцены, подспудно имеющие карнавальную природу. Тем более важной представляется акцентируемая связь Гофмана с автором, произведение которого с момента своего появления в эпоху зрелого Возрождения считается символом карнавальной литературы. Мы имеем в виду появление на самых первых страницах романа имени Ф. Рабле. Так, в беседе мейстера Абрагама с князем Иринеем возникает образ «мэтра Рабле», представленного в качестве парижского адвоката в комическом эпизоде на Новом мосту, где его грабят солдаты. Гофман намеренно обыгрывает традиционное обозначение французского писателя с не менее традиционным обращением к представителям адвокатского сословия, используя к тому же эпизод, встречающийся не в текстах Рабле, а в «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна. Отсылка к Рабле чрезвычайно важна сама по себе как указание на четкое осознание автором того, какой литературной традиции он в определенной степени близок. М. М. Бахтин в письме Н. М. Любимову в связи с получением присланного последним экземпляра перевода «Гаргантюа и Пантагрюэля» на русский язык сделал важное замечание методологического характера: «Рабле до сих пор был нам, в сущности, совершенно чужд. И этот серьезный пробел ощущается повсюду. Этим в значительной мере объясняется известная односторонняя серьезность всей нашей культуры и литературы. Мы не получили прививки раблезианского смеха (и стоящей за ним великой карнавальной культуры)» [2, с. 640]. Упоминание имени французского писателя свидетельствует о том, что Гофман соответствующую «прививку» получил.

Не менее важно наличие среди повествователей фигуры кота, позволяющей говорить не только о тяготении Гофмана к гротескной фантастике, но и о близости писателю традиций животного эпоса средневековья и Ренессанса. Можно согласиться с точкой зрения Е. Н. Корниловой, определяющей Мурра как «порождение карнавального комизма, которым пронизаны все его излияния» [10, с. 62]. На наш взгляд, исследовательница несколько переоценивает при этом функцию трикстера в поведенческих стратегиях этого персонажа. Отметим, что выбор кота в качестве героя-повествователя диктовался не только личными симпатиями автора к собственному коту, оказавшемуся прототипом литературного Мурра и заслужившему шутливый панегирик Гофмана по поводу его кончины. Писатель осознанно воспроизводит культурно-мифологическую традицию, в рамках которой фигура кота обретает черты сакрального, отчасти сверхъестественного существа, наделяемого особыми качествами [17, с. 11]. А. Е. Махов, подробно исследовавший место данного животного в системе образов средневековой христианской демонологии, в частности, отмечает: «Формированию демонической репутации кота в эпоху Средневековья немало способствовало звуковое сходство его названия в европейских языках (Katze, cat, chat) с именованием приверженцев еретического движения катаров» [11, с. 229]. Таким образом, именование издателем кота Мурра «приятным молодым человеком» из фигуры речи превращается в упоминание об одном из сверхъестественных свойств кошачьей демонической силы (превращение кота в человека и обратно), в сравнении с которой способность животного читать и писать не кажется чем-то совсем необычным. Не меньшее значение для Гофмана имела и карнавально-смеховая, комедийная традиция кота-персонажа, из средневекового комического эпоса благополучно переместившегося в произведения

Ш. Перро и Л. Тика. Не случайно именно к Коту в сапогах возводил происхождение своего домашнего любимца Гофман в уже упоминавшемся шутливом некрологе, который, добавим, послужил основой для соответствующих строк в приписке издателя: «Заключая второй том, издатель принужден известить благосклонного читателя о весьма прискорбном событии. Разумного, высокопросвещенного, философического и поэтического кота Мурра посреди его блистательного жизненного поприща настигла неумолимая смерть» [4, с. 371].

Примечательно, что ни мир кота Мурра, ни мир безумного композитора Иоганнеса Крейслера не являются миром волшебной сказки: и тут, и там представлена пародия на современную Германию, и в этом смысле «кошачья жизнь» ничуть не менее реалистична, чем жизнь кукольного княжества с его картинными страстями. Если трагическая фигура композитора может рассматриваться как своего рода карнавальный антипод кота-филистера и при этом нести отчетливые черты биографии самого Гофмана, то многое происходящее с Крейслером намеренно переводится Гофманом в план комического, что придает этому, казалось бы, трагическому персонажу явную амбивалентность.

Важнейшую роль в формировании карнавального пространства романа Гофмана играет мейстер Абрагам, друг Крейслера и хозяин кота Мурра. Именно из его библиотеки писатель Мурр заимствует книгу, вырванные листы которой, переплетенные с его собственными писаниями, и составили крейслеровскую линию романа. Мейстер Абрагам не просто фигура, объединяющая мурровское и крейслеровское начала гофмановской книги; он подлинный король гофмановского карнавала, «магистр игры» (Г. Гессе), повелитель кукол (puppenmaister), подлинный хозяин театра марионеток, соперничающий с советницей Бенцон, претендующий на ту же роль в закулисье двора князя Иринея. Не случайно тема кукол становится одной и важнейших в романе, чем лишний раз подчеркивается условно-игровой характер крейслеровского мира.

Абрагам представляется не просто устроителем карнавала в разворачивающейся сцене маскарадного празднества (которая являет собой минимизированную форму карнавального действа в условиях новой Европы), он предстает повелителем стихий, превращая запланированное торжество князя в его осмеяние и развенчание. Хитроумные технические приспособления выходят из строя в самый неподходящий момент, а сыплющиеся с неба цветы то покрывают лицо князя красной пыльцой, придавая ему чудовищное выражение, то пугают бедную Юлию, движущаяся свита под каплями расплавленного воска уподобляется бегущей в страхе армии. Абсолютно карнавальна сцена с гофмаршалом и пажом, мастерки описываемая Гофманом: «Старый толстый гофмаршал все же не выдержал, терпение его лопнуло, когда пылающая капля угодила ему прямехонько в щеку, он в ярости и отчаянии прыгнул вбок, однако же запутался в веревках, принадлежавших к устройству нашего летательного аппарата, веревки эти были как раз на этой стороне туго натянуты над самой землей; итак, с громким воплем “Сто тысяч дьяволов!” тучный гофмаршал грохнулся наземь. В то же самое мгновение витающий в эмпириях паж последовал за ним, увесистый гофмаршал всей своей шестипудовой тушей увлек его вниз; кукла упала в самую гущу свиты, придворные разбежались с отчаянными воплями. Факелы погасли, все оказались в непроглядней шей мгле» [Там же, с. 59-60].

Так Гофман задает в структуре романа то, что можно условно обозначить как карнавальный вектор, ориентация на который определяет карнавальный дискурс произведения в целом. Следует подчеркнуть, что, в отличие от иных произведений писателя, в «Житейских воззрениях кота Мурра» карнавальный дискурс не становится доминирующим. Его создание – лишь одна из художественных задач автора, для которого не менее важны и другие стратегии воспроизведения комического: сатирическое изображение современной Германии и представителей ее социальных групп (от вырождающейся аристократии до агрессивного филистерства), пародирование важнейших для романтической эстетики художественных текстов предшественников от Шекспира до Лессинга, Гете и Шиллера, сочетание трагического и комического и др.

Подчеркнем, что опыт создания карнавального дискурса в лучшем романе Гофмана сыграл важнейшую роль в его поздней новеллистике, где карнавальный дискурс становится ведущим в «Принцессе Брамбилле», и оказал заметное воздействие на позднюю прозу немецкого романтизма, в частности, на новеллистику В. Гауфа.

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2008. Т. 4. Ч. 1. 1120 с.
2. **Бахтин М. М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2010. Т. 4. Ч. 2. 752 с.
3. **Берковский Н. Я.** Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
4. **Гофман Э. Т. А.** Избранные произведения. М.: Музыка, 1989. 400 с.
5. **Дусина Н. В.** История немецкой смеховой литературы в работах М. М. Бахтина 1930-60-х годов // Академический журнал Западной Сибири. 2014. Т. 10. № 4 (53). С. 93-94.
6. **Дусина Н. В.** Карнавальный дискурс в новелле Э. Т. А. Гофмана «Принцесса Брамбилла» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40). Ч. 1. С. 57-59.
7. **Дусина Н. В.** Карнавальный дискурс: проза Гете («Римский карнавал») // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2 (14). С. 81-85.
8. **Карельский А. В.** Эрнст Теодор Амадей Гофман // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худ. лит., 1991. Т. 1. С. 5-26.
9. **Комическое в русской литературе XX века** / сост. и отв. ред. Д. Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 504 с.
10. **Корнилова Е. Н.** Традиции животного эпоса в романе Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 51-68.
11. **Махов А. Е.** Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М.: Intrada, 2006. 416 с.

12. Осовский О. Е. Бахтин вчера, сегодня, завтра: к завершению издания собрания сочинений М. М. Бахтина // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2. С. 101-106.
13. Осовский О. Е. Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М. М. Бахтина. Саранск, 1997. 192 с.
14. Осовский О. Е. Рецензия на книги: И. Л. Попова. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 76-80.
15. Осовский О. Е. Человек. Слово. Роман. (Научное наследие М. М. Бахтина и современность). Саранск: РИК «ТРИО», 1993. 144 с.
16. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930-1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. 1. С. 163-167.
17. Топоров В. Н. Кот // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М.: БСЭ, 1992. Т. 2.

THE SPECIFICITY OF CARNIVAL DISCOURSE IN E. T. A. HOFFMANN'S NOVEL "THE LIFE AND OPINIONS OF THE TOMCAT MURR"

Dusina Natal'ya Viktorovna
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev
dnv178@mail.ru

The article is devoted to the specificity revelation of the carnival discourse in the novel by E. T. A. Hoffmann "The Life and Opinions of the Tomcat Murr". The central for the aesthetics and poetics of the German Romanticism idea of two-worldness acquires the structure-forming function in the novel and the carnival nature of this world is the artistic technique which allows creating a series of the most various images and plots. At that Hoffmann does not bring the carnival to the forefront but he uses its discursive possibilities in the subtexts of his works, turning the "carnival world" into one of the "obscured" spaces of the existence of his characters along with the other strategies for creating the comic in the novel.

Key words and phrases: carnival discourse; carnivalization; German romanticism; strategies for creating the comic; culture of popular laughter; word of laughter; romantic two-worldness.

УДК 81'373:811.11
Филологические науки

В статье автор следует многократно постулированному в лингвистике, но до сих пор эмпирически не верифицированному тезису о синонимии между сокращениями и их полными формами. Исследуется замена полных форм сокращенными формами в синтаксических контекстах под воздействием коммуникативных параметров. Автор приходит к выводу о том, что семантическое отношение между сокращением и его полной формой в речи представляет собой континуум между тотальной и неполной синонимией.

Ключевые слова и фразы: сокращение; полная форма; тотальная синонимия; неполная синонимия; контекст; коннотативное значение.

Искандарова Гульнара Рифовна, д. филол. н., доцент
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
ischtuganowa@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИНОНИМИИ МЕЖДУ СОКРАЩЕНИЯМИ И ИХ ПОЛНЫМИ ФОРМАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)©

Семантике сокращений в лингвистике уделяется недостаточно внимания, поскольку считается, что сокращения, как и лежащие в их основе полные формы (исходные, или базовые лексемы), имеют одинаковые значения, и в лексиконе любое сокращение передается через его полную форму.

На уровне языковой системы (langue) выдвигается постулат о том, что между сокращением и полной формой слова существуют отношения тотальной синонимии [8; 10; 14], т.е. семантический объем сокращений полностью приравнивается к семантическому объему исходных лексических единиц. Тотальная синонимия предполагает неограниченную взаимозаменяемость соответствующих выражений во всех контекстах, она относится как к денотативным, так и к коннотативным семантическим компонентам [6, S. 708]. Например: *LKW – Lastkraftwagen «грузовик»*, *Bus – Omnibus «автобус»*, *Lok – Lokomotive «локомотив»*.

В некоторых исследованиях неоднозначно решается вопрос о том, насколько четко выражена тотальная синонимия: «Сокращенные слова функционируют главным образом как экономичные варианты своих полных форм, от которых они в семантическом плане обычно не отличаются» [4, S. 747].

Во многих случаях выдвигается синонимия, но иногда подчеркивается возможность самостоятельного функционирования сокращенного слова. По мнению В. Гофрихтера [11, S. 154], сокращение и его полная форма обладают единым понятийным содержанием; сокращенные формы могут реализовывать свои семантические

© Искандарова Г. Р., 2015